

ОТРАВЛЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

ЕЛЕНА БРЕУС

18+

Елена Бреус

Отравленные воспоминания

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Бреус Е.

Отравленные воспоминания / Е. Бреус — «ЛитРес: Самиздат»,
2013

Обязательная для посещения и невыносимо скучная офисная вечеринка подходит к концу. Еще совсем немного времени - и можно будет вырваться на свободу, но... Что происходит? Рюмки и бокалы выскальзывают из рук сослуживцев, их глаза закрываются, и все, без исключения, медленно погружаются в сон. Пробуждение будет шоком. Ведь любой мог оказаться на месте убийства, которое они проспали, включая и те темные личности, что обитают на дне подсознания каждого...

Содержание

Глава 2. Действующие лица и исполнители	8
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1. Прелюдия убийства

–Хватит плакать, Оля, – сочувственно произнесла Тамара, обнимая подругу за плечи. – В первый раз, что ли?

Две девушки стояли в дальнем углу двора огромного офисного здания. В этом небольшом закутке имелись пожарный щит с дырявым ведром, железная бочка, в которой окурков было больше, чем песка, и все это хозяйство венчала загадочная вывеска “Место для ”. На самом деле загадочного в ней, конечно, ничего не было, просто вывеска изначально состояла из двух хлипких половин, и вторая часть надписи “Место для курения” отвалилась, оставив офисным острякам простор для творчества. Некоторое время здешние любители подымить соревновались в остроумии, дописывая недостающее слово и переименовывая место для курения в место для вдохновения, расчленения, потовыделения и тому подобное, вплоть до самых неприличных, но потом то ли фантазия иссякла, то ли рифмы кончились, но за закутком прочно закрепилось название “Место”.

Невысокая брюнетка Тамара достала из кармана упаковку бумажных салфеток и протянула подруге. Та послушно взяла одну, но вместо того, чтобы вытереть слезы, крепко сжала ее в кулаке. Глядя невидящим взором в пространство, она громко всхлипнула, неумело затушила сигаретным дымом и закашлялась.

–И курить не надо, – укоризненно кивнув, Тамара отобрала у девушки тлеющий окурочек и воткнула его в песок. – Ты же не куришь!

Ольга, маленькая плотная блондинка, судорожно вздохнула сквозь рыдания и кашель.

–Ненавижу ее! Как она могла! – горестно воскликнула она. – Выставила меня перед ним полной душой. Ты бы видела, как он на меня посмотрел!

Слезы снова обильно потекли по припухшим щекам. Тамара вытащила из упаковки еще одну салфетку и сама вытерла черные разводы туши.

–Пора бы уже привыкнуть, – она зло сжала губы. – Чего ты от нее еще ожидала?

Девушки говорили о своей начальнице – Алле Игоревне Осинской. Эта дама полгода назад заняла место руководителя отдела и стала настоящим бедствием для их маленького дружного коллектива.

В недавнем прошлом Алла Игоревна являлась супругой одного из руководителей крупной компании, и в этой роли сполна получала то, чего ее неумная натура жаждала больше всего: почитания и власти, как со стороны мужа, так и со стороны его подчиненных. Но случилось так, что муж внезапно скончался, и жизнь Осинской круто поменялась. Подхалимы и лизоблюды, еще вчера уверявшие ее в вечной любви и преданности, исчезли на следующий день после похорон, а настоящих подруг и знакомых мадам за всю свою жизнь не завела из-за отвратительного характера. Даже домработницы в доме не задерживались дольше, чем на пару месяцев. Перед кем похвастаться новой шубкой, если вокруг никого нет? Про кого посплетничать? Где восхищенные взгляды, угодливые речи и дорогие подношения в расчете на возможные милости?

Прежняя жизнь испарилась, как дым, и Алла Игоревна заскучала. А тут еще выяснилось, что сбережений покойный супруг почти не оставил, и поддерживать привычный образ жизни – большой дом, регулярные спа-процедуры и отдых на Мальдивах с октября по апрель – стоит немалых денег. Осинская поразмыслила и со свойственной ей решительностью решила для себя эту проблему. Она явилась к бывшим компаньонам мужа и потребовала непыльную, но высокооплачиваемую должность, соответствующую ее талантам и способностям. Таланты и способности у мадам отсутствовали напрочь, но напора и энергии ей было не занимать, и компаньоны, почесав в затылках, отдали ей на растерзание отдел снабжения одного из филиалов компании.

С получением начальственного кресла жизнь Аллы Игоревны снова заиграла привычными красками. Не имея знаний и умений, но обладая огромной волей и железным характером

она с энтузиазмом бросилась командовать людьми, при этом не слишком заботясь о работе, зато бесцеремонно вмешиваясь в личную жизнь подчиненных, раздувая скандалы, поощряя сплетни и подхалимство и беспощадно наказывая неугодных.

Из шестерых человек отдела двое уволились почти сразу же, не выдержав придинок и издевательств, и на их место Осинская приняла "своих" людей. Две новенькие дамочки, Сычева и Осипенко, так же, как начальница, не умели и не желали работать, зато были непревзойденными мастерицами по части лести и наушничества, а потому находились в фаворе у Аллы Игоревны. Еще один член коллектива, Рубен Каримович Балаян, не уволился только потому, что через месяц должен был выйти на пенсию. Грядущий заслуженный отдых сделал его нечувствительным к нападкам Осинской, и та с удвоенной энергией принялась третировать трех оставшихся сотрудниц, имевших наглость спорить с новой властью.

Последние полгода Тамара Rogoзина, Ольга Кирич и Мария Сушкова сполна испытали на себе своеобразные методы руководства Аллы Игоревны и страстно мечтали о том, чтобы уволиться, но пока не сумели подыскать другую работу, тем более, что зарплата в компании была выше средней, а каждой из девушек приходилось в одиночку кормить семью: Тамара была незамужней матерью двойняшек восьми лет от роду; у Ольги на руках находились больные мать и бабушка; а Мария содержала не только себя, но и мужа-актера, перебивавшегося случайными заработками.

Семейные обстоятельства подруг были их уязвимыми местами и служили постоянными поводами для придинок Осинской. Дети в восьмилетнем возрасте имеют обыкновение часто болеть, и Тамаре то и дело приходилось отсутствовать на службе. Язвительные намеки Аллы Игоревны на общих собраниях о том, что женщина, рожающая детей неизвестно от кого, не способна выполнять свои рабочие обязанности, были обычным делом. Незамужнюю и бездетную Ольгу она презрительно уличала в ее женской несостоятельности: дескать, конечно, кто же из мужиков на тебя, размазню и рохлю посмотрит? Марию, с трудом выпутавшуюся из брака со скорым на рукоприкладство алкоголиком и сейчас трепетно относившуюся к новому непьющему, но редко работающему мужу, она ехидно называла жертвой мужского шовинизма и регулярно интересовалась, не кормит ли та его с ложечки.

Слезы Ольги были вызваны только что произошедшим инцидентом. Руководитель смежного отдела, Сергей Луговой, к которому Ольга испытывала тайную и нешуточную симпатию, попросил ее помочь разобраться с некоторыми цифрами. Данные он отправил через Аллу Игоревну, но та позабыла их передать, а когда подошло время сообщить результат, бессовестно заявила, что всю информацию она вручила девушке вовремя, но та не справилась с заданием.

Этот эпизод был лишь одним в цепи постоянных подвохов, насмешек и других способов угнетения подчиненных, которые Алла Игоревна практиковала с огромным удовольствием, вовсю пользуясь своей безнаказанностью. Открыто выступить против нее никто не решался, ведь она была на короткой ноге с самым высоким руководством. Ее дружно ненавидели и боялись, лелея в душе мечты, что когда-нибудь они от злобной дамочки избавятся.

Четыре месяца назад у коллектива загорелся огонек надежды на изменение ситуации. Осинская внезапно закрутила роман с одним из охранников офиса, Андреем Красновым, и стремительно выскочила за него замуж. Бравый муж был моложе Аллы Игоревны на девятнадцать лет: ей – сорок семь, Краснову – двадцать восемь, и сотрудники, затаив дыхание, ждали, что Осинская переключит все свое внимание на молодого супруга, но надеждам не суждено было сбыться.

Вернувшись на службу после короткого медового месяца, начальница осталась точно такой же: злобной, придиричливой и мстительной. Ведьмой за глаза ее называли даже те, кто в глаза лстыиво улыбался и поддакивал. Подчиненным оставалось теперь надеяться лишь на то, что когда-нибудь Алле Игоревне самой надоест каждый день таскаться на работу и она по своей воле уйдет с этой должности.

–Ты должна была прямо ему сказать, что Осинская не передала тебе данные, – отчитывала Тамара подругу. – Почему ты промолчала?

–Не успела я, – Ольга горестно шмыгнула носом. – Сергей сморщился, как будто в навоз наступил и ушел. Теперь он решит, что я умственно отсталая... Дебилка!

И она заплакала с новой силой.

– Всё рыдаете? – раздался знакомый голос за их спинами.

Из-за угла вывернула высокая шатенка, Мария Сушкова, и присоединилась к подругам. Хотя все три девушки были некурящими, к бочке с песком они наведывались регулярно, только чтобы лишний раз улизнуть из офиса. Как ни странно, частые перекуры Аллой Игоревной не преследовались, и подружки дружно записались в курильщики.

–Рыдайте громче, – невесело усмехнулась Маша, подходя ближе. – У меня есть новость, которая вас вряд ли обрадует.

–Что случилось? – насторожилась Тамара.

Ольга перестала размазывать тушь по щекам и испуганно уставилась на подругу.

–Ведьма устраивает вечеринку в честь себя, любимой. Только что объявила. – вздохнула Мария. – Все обязаны явиться к ней домой и восхвалять Мадам до образования мозолей на языке...

–Когда устраивает? – озабоченно спросила Тамара.

–В пятницу. Послезавтра, – Маша снова вздохнула.

–Я не могу. У меня родительское собрание.

–Кого это волнует? – Мария пожала плечами. – Все ОБЯЗАНЫ присутствовать. Не прийти можешь только в случае своей смерти. Ты что, Осинскую не знаешь?

–А можно прийти ненадолго и сразу уйти? – с надеждой предложила Ольга.

–Только на это и надеюсь, – сердито ответила Маша. – У меня были планы на эту пятницу, теперь все летит к черту!

Она с ненавистью взглянула в сторону окон их офиса.

–Ух, так бы и стукнула эту гадюку по башке дыроколом!

–И я бы добавила, – подхватила Тамара.

–Надо только большой взять, на три дырки... – добавила Оля, мечтательно закатывая глаза.

–Факсом тоже можно, – быстро вставила Мария. – Он тяжелый.

–А лучше выбросить ее из окна, – вдохновенно воскликнула Ольга.

–Или утопить! – Машины глаза вспыхнули.

–Точно! Ох и кровожадные же вы, барышни, – хихикнула Тамара, руками показывая, как она будет душить ненавистную шефиню.

Подруги переглянулись и громко расхохотались. Воображаемая расправа с Осинской разрядила атмосферу, возвращая хорошее настроение и теплые краски дня, правда ненадолго. Через несколько секунд блеклое осеннее солнце скрылось за углом, напоследок лизнув прощальным лучом пожарный щит, и курительный закуток мигом наполнился мрачноватой холодной тенью, словно предчувствием беды. На забор над головами девушек опустилась толстая черно-серая ворона и сердито каркнула, как судья, требующий тишины в зале. Улыбки на лицах девушек увяли сами собой.

–Мысль материальна... – дрогнувшим голосом пробормотала Ольга, испуганно глядя на ворону.

–Что? – нахмурившись, переспросила Маша.

–Нет, ничего, – торопливо ответила толстушка, отводя глаза, и со вздохом добавила: – Пойдемте. В офис возвращаться пора.

–Пора, – тоже вздохнув, согласилась Тамара, и подруги гуськом поплелись в сторону лифта.

Глава 2. Действующие лица и исполнители

Тамарина машина стояла в пробке. Мучительно медленное движение вперед продолжалось уже сорок минут и девушка безнадежно опаздывала. Обычно ей удавалось проскочить этот участок дороги до начала автомобильных заторов, но сегодня Осинская задержала ее, высказывая совершенно нелепые претензии и поправки к отчету. Тамара поминутно смотрела на часы и нервно кусала губы.

– Бенц! – спереди донесся характерный звук соприкосновения двух металлических поверхностей.

Девушка вытянула шею, пытаясь разглядеть, что произошло и застонала от досады.

– О, нет... Только не это!

Только аварии ей не хватало. Ее дети и так уже томятся лишние полчаса в школе, и Инна Ивановна, заведующая группой продленного дня, опять будет брезгливо поджимать свои тонкие губы, выражая крайнее неодобрение тем, что ей приходится задерживаться из-за безалаберной мамы Рогозиной.

Тамара опустила стекло и высунула голову на улицу. Водители двух столкнувшихся впереди автомобилей уже вылезли со своих кресел и с озабоченным видом сгрудились у места аварии, обмениваясь все более громкими и раздраженными замечаниями. Девушка лихорадочно пошарила взглядом по сторонам. Слева – два плотных ряда других авто, справа – тротуар, сзади – длинная колбаса из жаждущих выбраться отсюда железных коней. Ее машина надежно заперта с четырех сторон. В этот момент черный джип, стоявший перед столкнувшимися машинами, сдвинулся на полметра вперед, давая надежду на продвижение.

– Ребята, может, поедem, а потом договоритесь?... – призывно крикнула Тамара в сторону хозяев пострадавших автомобилей, яростно обменивавшихся комментариями по поводу манеры вождения каждого.

– Без тебя разберемся! – хором рывкнули мужики, дружно повернув к ней головы и едва не столкнувшись лбами.

Тамара опустилась на сиденье и со злостью стукнула кулаком по рулю. Было ясно, что эти двое не договорятся, будут ждать гаишников, а значит не сдвинутся с места. Может, левый ряд ее пропустит? Девушка скосила глаза и умильно улыбнулась пожилому водителю в белых Жигулях слева. Тот невесело улыбнулся ей в ответ и развел руками: дескать, я бы и рад, но мы стоим. Два ряда слева и впрямь стояли мертво. Если Тамарина полоса до аварии еще худобедно ползла вперед, то этим повезло гораздо меньше.

Внезапно сзади раздался рев двигателя, и грязная, выдавшая виды Тойота, стоявшая сразу за Тамариным Фольксвагеном, рванула вправо и, нагло выехав на тротуар, умчалась вперед. Девушка проводила ее напряженным взглядом. Она была очень дисциплинированным водителем – за четыре года вождения совершила всего два нарушения, да и те мелкие.

“Если сейчас выехать на тротуар, то можно будет свернуть вон в ту арку и через двор выехать на параллельную улицу, а там до школы – рукой подать,” – мелькнула в голове соблазнительная мысль.

“Нельзя ездить по тротуару,” – тут же возразил внутренний голос.

“Но там сейчас никого нет,” – глаза быстро пробежали по совершенно свободной и такой заманчивой дорожке.

– Р-р-р-р... – еще один водитель сзади не выдержал искушения и повторил маневр Тойоты, быстро скрывшись за поворотом.

Тамара с тоской посмотрела через лобовое стекло, нервно барабанила пальцами по рулю. Впереди хозяева столкнувшихся машин самозабвенно ругались, энергично размахивая руками и призывая в свидетели окружающих.

“Чтобы это было в последний раз!” – всплыл в памяти девушки сердитый голос Инны Ивановны, отчитывающей ее за опоздание в прошлую среду. – “Я не обязана здесь сидеть допоздна. Мне за это не платят.”

“А что если она и вправду не станет с ними сидеть?” – отчаянно подумала она. – “Уйдет и закроет кабинет, а Танюшку с Павликом на улицу выгонит, на школьное крыльцо? А там холодно...”

Это соображение определило исход дела. Тамара сурово сдвинула брови и, вывернув руль вправо, решительно вдавила в пол педаль скорости. Маленький Фольксваген зарычал и резво прыгнул на бордюр. Безлюдный тротуар быстро прошелестел под колесами, и вот уже до заветной арки рукой подать, как вдруг из ниоткуда материализовался гаишник. Он кинулся навстречу Тамариному автомобилю, размахивая полосатой палкой и грозно свистя.

“Ну, вот...” – при виде блюстителя порядка сердце девушки тяжело упало куда-то вниз. – “Все. Теперь я везде опоздала...”

Она остановилась и безвольно уронила руки на колени. Ею внезапно овладела апатия. Даже мысленное видение мерзнущих на крыльце детей больше не вызывало лихорадочного желания бежать, торопиться, спасать... День, не задавшийся с самого утра и мучительно продиравшийся сквозь рабочие часы, полные досадных недоразумений и конфликтов, неминуемо перерастал в такой же гадкий, отвратительный вечер.

Молоденький гаишник с чрезвычайно суровым лицом подошел вплотную к машине и требовательно постучал по стеклу. Тамара подняла на него безжизненный взгляд и нажала кнопку стеклоподъемника.

– Лейтенант Горобко, – сердито козырнул служитель порядка. – Ваши документы. Почему нарушаем?

Девушка молча протянула ему кожаную книжечку с правами и техпаспортом. Юный гаишник внимательно их изучил и повторил свой вопрос, строго хмурия брови.

– Так почему нарушаем?

– За детьми опаздываю... Опоздала уже... – медленно выговорила Тамара, глядя перед собой, невидящим взором

“Все у меня через...!... Ни черта не успеваю... Я отвратительная мать...” – эти горестные слова произнесены не были, но так явственно отпечатались на ее лице, что лейтенант Горобко нахмурился еще больше.

– За детьми?... – нерешительно повторил он, машинально сдвигая фуражку к затылку.

Тамара молча кивнула. На лице ее было написано мрачное отчаяние. Лейтенант почесал переносицу, шмыгнул носом и, поколебавшись, протянул права обратно.

– Поезжайте и не нарушайте больше, – недовольно буркнул он, поворачиваясь к девушке спиной.

– А? – до Тамары не сразу дошел смысл сказанного.

Она моргнула и изумленно уставилась на юношу.

– Я могу ехать? – запинаясь, переспросила она.

– Говорю же, поезжайте, – раздраженно бросил через плечо гаишник. Он засунул свисток в рот и, издав оглушительную трель, заторопился навстречу следующему нарушителю.

– Ап... – Тамара поспешно захлопнула рот, проглотив невысказанные: “А как же?. Почему?... А я думала...”

Неожиданная доброта сурового служителя порядка волшебным образом изменила все вокруг, всколыхнула веру в доброе и светлое и подарила надежду, что все в конце концов будет хорошо. Девушка встрепенулась, выжала педаль скорости, и Фольксваген бодро полетел вперед, не встречая больше на своем пути препятствий в виде ям, аварий, пешеходов, красных сигналов светофора и других гаишников.

Уже через несколько минут Тамара остановилась возле школы и стремительно выскочила из машины. В паре метров от нее старушка торговала чахлыми бордовыми хризантемами – последними цветами осени. Девушка схватила первый попавшийся букет, торопливо сунула старушке сумму гораздо больше требуемой и взлетела вверх по ступенькам широкого школьного крыльца. Не найдя здесь своих двойняшек, она с облегчением перевела дух и побежала напрямик в класс продленки.

Таня, Павлик и престарелая учительница дружно повернули головы на звук открывающейся двери.

–Инна Ивановна, – с порога прокричала Тамара. – Простите, ради Бога! Знаю, как я виновата, но это опоздание – точно в последний раз.

Она подлетела к учительскому столу и решительно сунула букет в руки педагога. Та уже открыла рот, чтобы озвучить обвинительную речь, но перед таким напором смешалась и только сбивчиво забормотала:

–Ну это уже полное безобразие, Тамара Алексеевна... Мы вас уже почти час ждем, а у меня в восемь часов собрание жильцов нашего подъезда... Вы хоть понимаете...

–Инна Ивановна, – девушка покаянно сложила руки на груди. – Неожиданная запарка на работе. Клянусь, это в последний раз!

Мысленно она послала несколько смачных проклятий в адрес “запарки” в лице Осинской. Если бы та подошла к ней сегодня чуть раньше, Тамара бы сумела отбрыкаться от ее идиотских поправок к отчету и уйти с работы вовремя. При мысли о зловредной начальнице ее пальцы невольно сжались в кулаки. Вот же ведьма, от которой страдает не только она сама, но и совершенно посторонний человек!

–Еще раз простите, Инна Ивановна. Этого больше не повторится. Давайте я вас подвезу домой, – с энтузиазмом воскликнула она, про себя мельком подумав, что некоторые моменты в жизни не зависят от возраста: ситуация, когда приходится обещать старшим “я больше так не буду”, возникает и в три года, и в тридцать три.

–Ну, если подвезете... – слегка подобрела учительница.

–Чего стоим? – призывно обернулась Тамара к детям, с интересом наблюдавшим за развитием событий. – Живо собрали портфели и марш в машину!

Человечность, проявленная незнакомым юным гаишником продолжала озарять Тамарин путь волшебным светом удачи. Оказалось, что Инна Ивановна жила возле большого супермаркета и, благополучно доставив ее домой, девушке удалось еще и выполнить очередной пункт хозяйственных забот – закупить продуктов на неделю. У подъезда их дома нашлись – неслыханное дело! – сразу две свободных парковки, и Тамара ловко пристроила маленький Фольксваген прямо под окнами. На первом этаже горел свет, лифт не сломался и ни один пакет из магазина не порвался при подъеме в квартиру. В общем, все складывалось замечательно.

Накормив детей ужином, Тамара села исправлять злополучный отчет, изуродованный Осинской, и тут хорошему настроению пришел конец. Изменения, которые внесла Алла Игоревна не лезли ни в какие ворота, и лицо девушки мрачнело все больше. Из угрюмых размышлений ее вывели крики детей, игравших в соседней комнате.

–Я тебя убью! – яростно выкрикнул Павлик в наступившей тишине, и Тамара встревоженно нахмурилась. Она отложила отчет и поднялась из-за стола.

–Ты что такое говоришь? – возмущенно произнесла она, заходя в детскую.

Двойняшки, обладая совершенно разными темпераментами, ссорились крайне редко, а тут такие сильные выражения!

–А чего она! – сын обиженно надул нижнюю губу. – Она синий фломастер не дает!

–Это ты не даешь, а он мне нужен, – горячо вступила в свою защиту Таня.

–Мам, она сказала, что я рисовать все равно не умею, – выкрикнул Павлик со слезами на глазах. – И отобрала!

–Спокойно, – повысила голос Тамара, укоризненно качая головой. – Из-за такой ерунды шум подняли! Павлик, разве можно говорить сестре “убью”? У кого ты такому научился?

–У тебя! – запальчиво крикнул мальчик.

–Что-о-о?... – брови Тамары изумленно взлетели вверх. – Когда это я так говорила?

–Позавчера, – Павлик с вызовом выпятил подбородок.

–Да я никогда... – возмутилась Тамара, но мальчик не дал ей закончить.

–Ты с тетей Олей разговаривала по телефону и сказала: “я ее убью!”

–Я... – Тамара набрала полную грудь воздуха для негодующих возражений и так и замерла с открытым ртом. Точно. Позавчера вечером звонила Ольга, и в разговоре речь зашла об Осинской, а поскольку в тот день Алла Игоревна организовала Тамаре очередную производственную пакость, то немудрено, что беседа протекала именно в таких выражениях. И хотя говорила она из кухни, получается, что наиболее эмоциональные отрывки все же доносились до детей.

–Павлик, – Тамара постаралась сделать строгое лицо. – Я это сказала понарошку. Так нельзя говорить. Тем более своей сестре.

–И я понарошку, – упрямо мотнул головой мальчик, метнув сердитый взгляд на Таню. – Только пусть фломастер отдаст!

–Господи, да у вас же их полно, – всплеснула руками Тамара, указывая на ковер с множеством раскиданных фломастеров.

–Синий – один! – хором ответили дети.

–Ну и что? Все равно это не повод, чтобы ссориться. Синий фломастер можно заменить синим карандашом.

–Но карандаш же... – попыталась обиженно возразить девочка.

–Я говорю можно заменить! – рявкнула Тамара, теряя терпение. – Надо его только хорошенько послушавить. Проявите креативность!

По озадаченным детским физиономиям она поняла, что с “креативностью” они не знакомы и поправила себя:

–Смекалку, в общем, проявите, выдумку, понятно?

–Понятно, – дети, видя, что мать всерьез рассержена, послушно закивали.

–Ладно, – вздохнула Тамара, сбавляя обороты, и скомандовала. – Слушать сюда! На сегодня рисование окончено. Марш мыть руки, чистить зубы и спать. А завтра я куплю новый комплект фломастеров, где будет еще один синий. И чтобы никаких больше ссор, ясно?

–Ясно! – брат с сестрой нехотя отправились выполнять указания, а Тамара вернулась к отчету, но работа не клеилась.

Она никак не могла сосредоточиться на цифрах и выводах, мучимая привычным угрызениям совести о том, что она плохая мать, которая учит детей злобным выражениям, загружает их незрелый мозг непонятными словами и запутывает отсутствием логики в собственных поступках. Сначала в приказном порядке велела проявить смекалку, но тут же сказала, что купит еще один синий фломастер. Что должен подумать при этом любой нормальный ребенок?

Тамара вздохнула и с досадой захлопнула отчет. Чертова Алла Игоревна! Если бы она не полезла в него своими неумелыми ручками, то его бы уже благополучно сдали руководству.

–Да когда же мы от тебя избавимся! – в сердцах произнесла она и тут же испуганно вытянула шею, проверяя, не услышали ли ее дети. В комнате никого не было. Таня и Павлик уже лежали в своих кроватях, и Тамара слегка успокоилась.

В памяти всплыла сегодняшняя сцена в месте для курения, когда они с подругами вдохновенно изобретали способы расправы с проклятой начальницей. Невольно усмехнувшись, Тамара подумала, что тема убийства Аллы Игоревны а последнее время звучит подозрительно часто. При одном упоминании имени Осинской у нее – да и не только у нее – руки сами собой

сжимаются в кулаки. Тамара со злостью захлопнула злополучный отчет, швырнула его в сумку и тоже отправилась спать.

Ольга открыла дверь квартиры своим ключом и вошла в темную прихожую, пропахшую хлоркой и валерьянкой.

–Мамуль, бабуль, я пришла, – громко крикнула она, на ходу снимая сапоги и плащ.

–Тише! – из кухни бочком высунулась мама Ольги. Она сделала страшные глаза и приложила палец к губам. – Бабушка спит.

–Как это спит? – удивилась девушка. – Сегодня же среда. День прогулки. Неужели она пропустит прогулку?

На смену удивлению пришла озабоченность.

–А как она себя чувствует? – нахмурилась Оля.

–Да вроде ничего с утра была, а сейчас ее сморило... – Олина мать грустно покачала головой. – Возраст берет свое...

Женщина чуть слышно вздохнула, но поспешила стереть с лица печальное выражение. Она ласково улыбнулась дочери, кивая в сторону плиты.

–Пойдем, я тебя покормлю.

–Ну, мам, – возмущенно сдвинула брови Ольга. – Зачем ты готовила? Я же сказала, что сама все сделаю.

Олина мать никогда не отличалась крепким здоровьем, а восемь лет назад у нее случился инсульт, от которого она так до конца и не оправилась. Она с трудом могла передвигаться по комнате и делать простейшие вещи, но всеми силами старалась помочь дочери по хозяйству, поскольку бабушка была вообще неходячей. После автомобильной аварии та могла передвигаться только в инвалидном кресле.

–Это кто тут говорит про мой возраст? – раздался из глубины коридора негодующий голос и скрип этого самого кресла. – Если я на минутку прикрыла глаза, то это еще не значит, что я заснула!

Бабушка, Нина Ефимовна, сердито сверкнула глазами на дочку и внучку и воинственно задрала подбородок вверх.

–Бабуль! – радостно улыбнулась ей Ольга. – Никто и не сомневался, что ты не спишь. Не могу себе представить, чтобы ты пропустила прогулку.

Вечерние прогулки по понедельникам и средам были любимым развлечением старушки, и в эти дни она с особым нетерпением ждала Олиного прихода с работы.

–Дай ей поесть, мам. И сама поужинай, – добродушно произнесла Ольгина мать, про себя вздохнув с облегчением.

Бабушка не пропустит прогулку, то есть привычный уклад жизни остается в силе. Значит сегодня ничего плохого не произошло, и тягостные мысли об ухудшении здоровья старушки можно отбросить. Хотя бы на время.

–Я не хочу есть, – гордо возвестила Нина Ефимовна. – Иди, Оля, ужинай. Я подожду.

Быстро покончив с едой, Ольга выкатила тяжелую инвалидную коляску из квартиры. Благодаря стараниям домоуправления, в их подъезде был и пандус и удобный въезд для колясок, но тягать увесистый агрегат маленькой пухленькой Ольге все равно было тяжело.

–Куда сегодня едем? – спросила девушка, когда они выбрались на улицу.

–Давай через парк к Оперному Театру, – решительно объявила бабуля. Маршрут она всегда обдумывала заранее.

–Чебуреки? – Оля понятиво усмехнулась. – Вот почему ты от ужина отказалась!

Чебуреки входили в список запрещенных удовольствий Нины Ефимовны. Маленькая сухонькая старушка, у которой после аварии осталась одна четверть желудка, обычно питалась кашами и протертыми супами, но изредка баловала себя вредной-запретной едой.

– Если ничего себе не позволять, то на черта жить вообще? – твердо заявила она доктору, пытавшемуся ее образумить.

Оля бабушку образумить не пыталась. Несмотря на слабое тело, Нина Ефимовна осталась сильна духом, и домашние давно оставили бесполезные попытки заставить ее делать то, чего та не хотела. Да и половинка чебурека (целый старушка осилить не могла) раз в месяц явно не наносили ей ощутимого ущерба.

– Поехали, – согласно кивнула девушка и развернула коляску в сторону Оперного театра, возле которого в киоске продавали чебуреки.

Они неспешно продвигались по слабо освещенным дорожкам парка, болтая о всяких мелочах. Как это часто бывает, с бабушкой у Ольги были более доверительные отношения, чем с матерью. К примеру, Оля никогда не рассказывала матери о проблемах на работе или о симпатичном начальнике смежного отдела, зато бабушка была полностью в курсе всех Олиных дел. Жадная до жизни, но лишенная возможности в этой жизни участвовать, она с искренним интересом слушала рассказы внучки о злобредной начальнице Осинской, хороших подругах Тамаре и Маше, и даже о самом сокровенном: о замечательно умном, красивом, благородном и прочая-прочая-прочая коллеге из соседнего отдела, Сергее Луговом.

Оля как раз заканчивала рассказ о сегодняшней гадости Аллы Игоревны, как та подло подставила девушку перед этим прекрасным человеком, когда они подъехали к площади перед Оперным театром.

– Нет, ну какая же змея! – возмущалась бабуля, гневно сжимая маленькие ладошки. – Да я б ее!...

– Ага... – грустно согласилась девушка, останавливая коляску возле скамейки.

– Жди здесь, никуда не уходи, – привычно пошутила она.

Киоск с чебуреками находился почти у входа в театр, и к нему надо было подниматься по широкой лестнице. Ольга быстро прошагала наверх и купила три чебурека: один бабушке, один маме и один себе вместо бутерброда на завтра.

Спектакль уже начался, и мимо нее к высоким дверям пробегали редкие последние зрители, опаздывающие на представление. Оля проводила завистливым взглядом юную парочку, со всех ног бегущую ко входу. Молодой человек проскрипел что-то вроде “давай быстрее” сквозь зубы, в которых он держал билеты, на ходу снимая свою куртку и пытаясь помочь раздеться спутнице. Он так неуклюже и энергично дергал ее за шарф, что у той имелись все шансы быть придушенной до того, как они доберутся до театрального гардероба.

“А когда я в последний раз была в театре?” – с грустью подумала Оля и сама себе ответила: – “В позапрошлом году...”

Вздыхнув, она расплатилась с женщиной в окошке киоска и, прижав к груди пакет с горячими чебуреками, повернулась, чтобы спуститься к бабушке.

– О, кого я вижу... – услышала она рядом знакомый насмешливый голос.

Оля подняла глаза и оцепенела от неожиданности.

“Да что же это такое,” – пронеслось в голове. – “На работе от нее житья нет, так еще и после работы!... Угроздило же здесь столкнуться с ведьмой!”

Перед Ольгой стояла Алла Игоревна: шикарно разодетая, в мехах, шелках и бриллиантах, под ручку с молодым мужем. Осинская тоже направлялась в театр, но, в отличие от остальных зрителей, не торопилась. К чему спешка? Спектакль идет два часа и у окружающих будет достаточно времени, чтобы разглядеть ее платье от Донны Каран, палантин из голубого песка и драгоценности.

– А ты все ешь? – Алла Игоревна перевела взгляд с киоска с надписью “ЧЕБУРЕКИ” на пакет в Олиных руках, и яду в ее голосе прибавилось.

Девушка сжала губы от досады. Для пухленькой Ольги вес был больной темой. Она сидела на всех возможных диетах, пробовала заниматься спортом, но проклятые пятнадцать

лишних килограмм прочно обосновались на ее фигуре и не желали сдавать позиции. На самом деле эти килограммы ее совсем не портили, наоборот, приятные мужскому глазу округлости ласкали взор, но поди докажи это девушке, одержимой идеей похудения.

– Мда-а-а... – презрительно протянула Алла Игоревна, оглядывая Ольгу с головы до ног.

Та только скрипнула зубами. Кто теперь ей поверит, что она не никогда не ест после шести, ведь Осинская ее поймала на месте преступления – поздно вечером, с полным пакетом чебуреков. Не будешь же объяснять, что чебуреки не для нее!

– Тебе надо срочно сесть на диету, – безапелляционным тоном произнесла начальница. – От ожирения до диабета – один шаг.

Ольга вспыхнула и смешалась, не зная, что ответить. Слезы обиды подступили к горлу, заставив его сжаться в тугой комок.

Осинская самодовольно улыбнулась и потянула мужа за собой.

– Пойдем, Андрюша, мы и так опаздываем, – сказала она сладеньким голосом, и парочка засеменила ко входу в театр.

Оля судорожно вздохнула и заставила себя успокоиться. Незачем травмировать бабушку, с пристальным вниманием наблюдавшей за встречей с нижнего края лестницы. На таком расстоянии слов Нина Ефимовна расслышать не могла, но выражение лица внучки и ее пылающие щеки разглядела хорошо.

– Это кто? Что случилось? – тревожно спросила она едва только Ольга приблизилась.

– Это Осинская. Собственной персоной. – мрачно ответила девушка, протягивая старушке пакет с чебуреками.

– Да ты что! – ахнула бабушка. – Что она тебе сказала?

– Сказала, что мне надо похудеть.

Нина Ефимовна не донесла любимый чебурек до рта.

– Какое ее собачье дело? – возмущенно воскликнула она. – Зачем тебе худеть? Что за чушь?

– Да ладно, бабуль, – со злостью в голосе ответила Оля, разворачивая коляску в обратную сторону. – Не обращай внимания. Это ее обычная манера. Осинская не будет Осинской если каждые пятнадцать минут не скажет или не сделает какую-нибудь мерзость окружающим...

– Вот ведь змеища какая! – продолжала кипятиться старушка, сверкая глазами. – Да как же вы ее выносите? На мой характер... Я бы...

Нина Ефимовна едва не задохнулась от праведного негодования.

– Всю бы морду ее накрашенную расцарапала! – старушка подняла вверх скрюченные пальцы, наглядно показывая, как бы она прошлась ими по ухоженной физиономии Аллы Игоревны.

– Морду расцарапать – это что... – со вздохом произнесла Оля. – Она нас до того уже достала, что мы ей эту морду готовы от остального туловища отделить и собакам выбросить.

– Вот это правильно, – охотно согласилась бабуля, кровожадно впиваясь зубами в чебурек. – Кавдый повуфит по вавфухам!

– Чего? – не поняла Ольга.

– Я говорю, каждый получит по заслугам, – повторила Нина Ефимовна, проглотив кусок поджаренного теста. – Коли ты к людям по-свински относишься, то не удивляйся, что рано или поздно они отплатят тебе тем же. Это справедливо!

– Да, наверное... – кивнула девушка, огорченно подумав, что бабулина справедливость – вещь идеальная и недостижимая, а в жизни все совсем по-другому. Если справедливость и торжествует, то как правило редко, запоздало и ненадолго.

Но старушка угадала ее мысли. Она хитро взглянула на внучку из-под края кокетливой фетровой шляпки и, усмехнувшись, сказала:

– Не сомневайся. Обязательно – по заслугам!

–Ага, – угрюмо буркнула Оля. – На том свете...

–Ты мне эти церковные штучки брось, – Нина Ефимовна строго погрозила внучке пальцем. Она была атеисткой с легкой склонностью к буддизму. – Не на том, а обязательно на этом! На том свете твоей Осинской быть жабой – это уж точно, но и на этом она свое отгребет, попомни мои слова.

–Почему жабой? – невольно улыбнулась Ольга. – Я думала, гиеной – характер у нее подходящий.

–Нет, – уверенно возразила старушка. – Точно, жабой. Глаза у нее навывкате, а уши на бородавки похожие.

–Ладно, пусть будет жабой, – девушка снова улыбнулась, понемногу отодвигая грустное настроение, и покатила коляску к дому, старательно объезжая выбоины на асфальте.

На выходе из парка они традиционно остановились возле Женщины, Кормящей Голубей. Эта городская сумасшедшая являлась неизменной частью парка. Она проводила здесь большую часть дня, бросая птицам хлебные крошки, медленно слоняясь по аллеям или просто сидя на скамейке в любую погоду. Оля подозревала, что бабушка была знакома с этой дамой очень давно, задолго до того, как та стала Женщиной Кормящей Голубей, но бабушка наотрез отказывалась говорить на эту тему. По установленному ритуалу, всякий раз, как они приходили в парк, девушка должна была остановить коляску возле тощей фигуры в потрепанном пальто и отойти в сторону, и тогда бабушка начинала негромко разговаривать со странной женщиной. Ольга ни разу не слышала, чтобы Кормящая Голубей что-то отвечала, но Нине Ефимовне, похоже, её ответы и не были нужны. Она словно выполняла какой-то долг, мягко и тихо беседуя со сгорбленной сумасшедшей. Девушка пару раз пыталась подслушать о чем идет речь, но ничего интересного не услышала. Бабушка говорила о погоде, цене на картошку и последних газетных новостях, а Женщина Кормящая Голубей молча сидела на скамейке, глядя пустыми глазами в пространство.

Оля слегка развернула коляску с бабушкой возле скамейки и привычно шагнула прочь. Она прошла несколько шагов по дорожке, бездумно переводя взгляд с поредевшей изгороди на деревья и кусты вдоль аллеи. На душе было скверно. В ушах все еще звучал насмешливый голос Осинской: "... тебе надо сесть на диету-у-у..." Обида захлестнула девушку с новой силой. Над головой внезапно пронесся свежий порыв ветра, всколыхнув ветви деревьев и заставив сухие листья отчетливо прошептать:

–Ос-синс-с-кая... Ж-ж-жаба-а-а...

Оля вздрогнула и подняла глаза вверх, но там уже все было тихо. Девушка быстро посмотрела по сторонам, но вокруг никого не было.

“Хватит о ней думать,” – сердито приказала она себе. – “Пропади она пропадом!”

Но сказать было легче, чем сделать. Взгляд Ольги упал на небольшую лужу возле бордюра, и по спине пробежали мурашки. Свет от ближайшего фонаря, падая на ветку с остатками листьев, нарисовал на воде точный профиль ненавистной Аллы Игоревны.

Не осознавая, что делает, Ольга быстро шагнула к луже и несколько раз изо всех сил припечатала воду ногой, стирая с ее поверхности проклятый облик.

–Сдохни, гадина!... Гадина, гадина!... – с чувством прошептала она.

Темные брызги полетели в разные стороны и лужа стала просто грязной лужей, а не портретом злобной начальницы. Ольга судорожно вздохнула и постаралась взять себя в руки.

“Вот дура,” – отругала она себя. – “Хватит психовать! Тебе уже Осинская в траве и воде мерещится. Так недолго и с катушек съехать и будешь, как Кормящая Голубей по парку слоняться...”

Она торопливо развернулась, чтобы пойти к коляске, но не удержалась и снова бросила взгляд на лужу. Вода снова стала неподвижной, но теперь в ней отражались лишь две сухие ветки с засохшими и сморщенными листьями. Ольга почувствовала неожиданное удовлетво-

рение и невольно улыбнулась. У нее получилось! Она стерла Осинскую с лица земли. Девушка вздохнула с облегчением, еще раз мысленно обозвала себя дурой, обращающей внимание на всякие глупости, и поспешила вернуться к бабушке. Хорошее настроение не покидало ее весь вечер.

Маша торопливо поднималась по лестнице, но ходу роясь в сумке в поисках ключа и гадая, дома ли муж Валерий.

“Спектакля у него сегодня нет, но он должен был пойти на пробы...” – думала она. – “Интересно, он еще там или уже вернулся?... Звонить в дверь или найти-таки ключ?... И если его еще нет – это хорошо или плохо?...”

Проклятый ключ в недрах безразмерной Машиной сумки отыскиваться не желал, и, дойдя до двери, девушка нажала кнопку звонка. Через секунду внутри послышались шаги.

“Дома,” – мысли в Машиной голове побежали быстрее. – “Что-то рановато для возвращения с проб... Что это значит?... Что он получил роль или...?”

Загремел замок, дверь открылась, и по мрачному лицу мужа Маша поняла, что и на это раз “или”.

–Привет, – Валерий постарался улыбнуться, но улыбка вышла кривая. Он чмокнул жену в висок и, отводя глаза, принялся помогать ей раздеться.

–Как дела? – фальшиво-бодро спросила Маша.

–Нормально, – так же фальшиво ответил супруг.

–Ладно тебе, – Маша отбросила бодрый тон и встревоженно заглянула в лицо Валерия. – Я так понимаю, что роль досталась не тебе?

–Роль досталась не мне... – негромким эхом повторил тот, и голос его дрогнул.

–Пошли на кухню. Пока будем ужинать, расскажешь мне все, – скомандовала Маша и возмущенно добавила: – Не могу поверить! Как же так получилось? Это – ТВОЯ роль. Это даже Латников признал.

При упоминании Латникова лицо супруга исказилось еще больше.

–Плевать, – зло бросил он. – ПЛЕВАТЬ! Пусть подавится!

–Кто подавится? – нахмурилась Маша, быстро перемещаясь из ванной в кухню и гостиную, на ходу успевая вымыть руки, переодеться и перегрузить продукты из сумки в холодильник.

–Не важно, – мрачно ответил Валерий. Он сгорбился на стуле и отрешенно смотрел в окно. Муж выглядел таким потерянным и одиноким, что у Маши защемило сердце от жалости.

–Ну давай, рассказывай все по порядку, – мягко сказала она, присаживаясь за столом напротив. – Что случилось?

–То же, что и всегда... – медленно ответил супруг. Он впервые за вечер посмотрел жене в глаза и горько усмехнулся. – С небольшими вариантами...

–Рассказывай варианты, – решительно произнесла Маша. – Я все хочу знать.

Валерий работал актером в местном театре драмы и уже несколько лет не поднимался выше ролей типа “кушать подано”, хотя был несомненно талантлив. Просто ему не везло. Режиссеры неизменно обходили его вниманием как в театре, так в кино и на телевидении, куда он регулярно пробовался на разные роли. Хотя сегодня был особый случай. Валерию впервые предложили пройти отбор на довольно значительную роль в новом спектакле. Он бредил этой ролью. Учил текст днем и ночью, пробуя разные грани и оттенки образа, забывал есть и спать и периодически так глубоко погружался в себя, обдумывая характер своего будущего героя, что Маше порой стоило немалых усилий вернуть его к обычной жизни.

Казалось, на этот раз все должно получиться. Маша ничего не понимала в актерской игре, но высокая оценка работы Валерия его коллегой, Олегом Латниковым, который недавно пришел в театр и коротко сошелся с ним, обнадеживала. Латников, послушав несколько отре-

петируемых монологов у них на кухне, восторженно заявил, что лучше Валерия никто с этой ролью не справится. Что же случилось? Кто мог сыграть лучше него?

Маша не заметила, как сказала это вслух.

–Кто? – переспросил Валерий, поднимая на жену полные муки глаза. – Латников, вот кто!

–Кто-о-о-о?... – Маша открыла рот от изумления. – Почему Латников? А он разве тоже пробовался на эту роль?

Милый, добродушный приятель мужа, который все уши им прожужжал, сидя вот за этим кухонным столом, что роль написана словно специально для Валерия! Убеждал самого Валерия, что его трактовка образа столь глубока, что у него просто не может быть конкурентов. А нюансы, найденные им в диалогах, просто великолепны. Неподражаемы!

–Да. Оказывается, Латников тоже пробовался на эту роль. – глухо произнес супруг. – Он был на просмотре примерно за час до меня. Те, кто был там, сказали, что после него комиссия смотрела остальных лишь для проформы... Зосимов слышал, как режиссер объявил, что Латников был настолько убедителен и нашел такое понимание образа, что у него не осталось ни малейших сомнений. И знаешь почему?...

–Почему? – тихо повторила Маша, смутно догадываясь об ответе.

–Потому что он предложил им мою версию этой роли, – с трудом выдавил из себя Валерий. Он сжал лежавшие на столе руки так, что побелели костяшки пальцев и яростно сверкнул глазами. – Мою! Ту самую, что мы обсуждали на прошлой неделе...

–Может, это совпадение? – несмело пробормотала Маша.

–Зосимов был в зале и все слышал. Он мне рассказал, чем именно потряс режиссера Латников, но Зосимов-то не знал, что все это придумал я! Просто он пересказал, что делал на сцене Латников и я понял, что он играл роль так, как показывал ему я. Делал паузы в тех же местах. Поднимал голос, загадочно усмехался и помахивал тростью так, как я. А тот момент, когда он целует руку главной героине? Это была моя находка. И я сам ему все это рассказал!

Голос Валерия упал до шепота. Кулаки сжались так, что побелели уже не только костяшки, но и все кисти рук. Гнев и обида исказили красивое лицо до неузнаваемости.

–Боже мой, – ахнула Маша. – Неужели он оказался таким подлецом!?

–Подлец! – Валерий приподнял левую ладонь и с размаху грохнул ею об стол, вложив в этот удар всю накопившуюся ярость. Стол жалобно скрипнул. – Вот именно, подлец!

Он помолчал немного и гневно обрушил на стол вторую руку.

–А я – идиот! Доверился ему. Все рассказал. Болван! Кретин! Размазня!!!

Мужчина в отчаянии обхватил руками голову и прикрыл глаза. Маше бросилась в глаза нервно пульсирующая вена на его шее, и сердце защемило от жалости.

–Вот сволочь какая, – возмущенно ахнула она и тут же сменила тон на успокаивающий. – Ну, не надо... Не надо так расстраиваться! Я уверена, что скоро тебе предложат другую роль. А этот мерзавец Латников провалится. Ведь он не работал над ролью столько, сколько ты. Только украл твои идеи, а это всегда выходит боком. Он не сможет сыграть ее так, как ты!

–Сможет, – горько усмехнулся супруг. – Он уже утвержден на эту роль...

–Все равно, – горячо продолжала убеждать его Маша. – Ничего у него не выйдет. У него-дядя никогда ничего не выходит!

–Ох... – Валерий тяжело выдохнул и скрипнул зубами. – Убил бы его, гада!

Сильные ладони опять сжались в кулаки, и Маша невольно порадовалась, что Латникова сейчас нет в пределах досягаемости. Очень уж легко было представить, как эти большие крепкие пальцы смыкаются на тощей шее бывшего приятеля мужа.

Девушка вскочила с места, чтобы обнять супруга, утешить, приласкать и заверить, что все образуется, но в этот момент зазвонил телефон. Она торопливо вытащила сотовый из сумочки и, не глядя на экран, нажала кнопку.

–Да, слушаю. Что?

Она не сразу поняла, кто звонит и что от нее хочет, поскольку голова была занята единственной мыслью – как найти нужные слова и успокоить мужа, но когда поняла, лицо ее вытянулось.

– Да. Хорошо. Ясно. Да. Слышу. – безжизненным голосом ответила она. – До свидания.

Маша медленно опустила телефон на стол и нервно закусил губу. На щеках ее расцвели красные пятна. В голове метались беспорядочные мысли.

– Тадина, сволочь! Как она могла!... Ведьма!... Так поступить со мной!... Нет, стоп!... Сейчас не надо об этом!... Сейчас главное – Валера!... Так, что я там говорила?... Ах, да!...

– Латников – негодяй!... – неуверенно пробормотала она, не отводя растерянного взгляда от телефона. – У него все равно ничего не выйдет!...

– Маш, что-то случилось? – встревоженно перебил ее супруг. Как бы не был он поглощен гневом по поводу подлого поступка бывшего приятеля, от него не укрылась резкая перемена в Машином настроении.

– А? Да!... Нет!... Н-не важно!...

– Маша, что произошло? – голос и взгляд Валерия стали еще более озабоченными. – Кто это звонил?

Девушка судорожно вздохнула. К горлу подступали слезы, но она усилием воли подавила их.

– У меня тоже есть свой Латников!... – запинаясь, выговорила она. – Звонила Осинская!... Сказала, что подала руководству мое предложение от имени отдела!... Не поленилась ведьма из театра позвонить, обрадовать!...

– Твое предложение по транспорту? – припомнил супруг. – Которое сэкономит компании кучу денег? Постой, как это – от имени отдела? Это же ТВОЕ предложение!

– Угу, – мрачно кивнула Маша. – И я надеялась, что получу за него не только премию, но еще и возможность перейти в другой отдел. Я тебе рассказывала!...

– Да, помню, конечно, – согласно кивнул Валерий. – И что теперь?

– Теперь премию получит весь отдел, моя скромная роль в этом упоминаться не будет, а все лавры достанутся его руководителю – великолепной Алле Игоревне.

Последние слова она произнесла с язвительной горечью, но тут же спохватилась.

– Ой, да что это я! Ну ее к черту! Я хотела сказать, что Латников – сволочь и подлец, но он не больше не сможет тебе помешать. Тебе обязательно предложат новую роль. Я уверена, совсем скоро!

Валерий поднялся на ноги, шагнул вперед и крепко обнял жену.

– Милая ты моя, прости! У тебя у самой куча проблем, а тут я разнюнился!... Прости!

Он усадил Машу на диван и сам сел рядом. Нежно прижав ее к себе, он погладил ее по голове, словно маленького ребенка и несколько раз поцеловал в макушку. Слезы снова подкатили к Машиному горлу. Она уткнулась носом в плечо мужа и едва слышно всхлипнула.

– Ведьма!... Змея подколодная!... Убила бы ее!... – с ненавистью выдохнула она, но постаралась подавить захлестнувшие ее эмоции. – Ах, это не важно, не хочу про нее говорить. Главное – это то, что тебе все равно предложат главную роль. Я точно знаю. Ты очень талантливый! Самый-самый талантливый!

Она подняла голову и посмотрела мужу прямо в глаза, стараясь влить в него хоть часть своей уверенности в светлое будущее.

– Солнышко ты мое, – едва слышно вздохнул Валерий и обнял Машу еще крепче. – Я – бездарность, если моя жена плачет!

– Я не плачу, – снова всхлипнула девушка, тесно прижимаясь щекой к его широкой груди.

– Вот и хорошо, – Валерий легонько покачал жену, словно убаюкивая. – А со всеми нашими врагами – подлецами и негодяями – мы справимся!

Он горько усмехнулся, но совладал с собой и сделал преувеличенно серьезное лицо.

–Точно, справимся, – он заговорщически подмигнул Маше. – Я даже знаю как!

–Как? – та шмыгнула носом и посмотрела на супруга с надеждой.

–Врагов надо убивать, – зловеще произнес Валерий. – И мы их уьем!

–Уьем? – Машины глаза широко распахнулись, голос дрогнул.

–Уьем, – без тени улыбки подтвердил муж. – Мы же оба только что собирались это сделать, вспомни!

Маша растерянно моргнула.

–Сделаем так, – воодушевленно продолжал Валерий. – Я убью твою Осинскую, а ты – Латникова! Я переоденусь и загримируюсь под тебя, но ты в это время будешь в другом месте и куча народу подтвердит твое алиби, а я в твоём обличье прокрадусь в кабинет Осинской и заколю ее ножом для бумаги. У вас в офисе есть ножи для бумаги?

–А-а-а... М-э-э... Нет... Мы бумагу ножницами режем...

–Ножницами? Это сложнее, но все равно возможно, – поразмыслив, кивнул супруг. – Придется только размахнуться посильнее.

Он легонько улыбнулся, и Маша с облегчением улыбнулась в ответ.

“Фу... Слава Богу... Он шутит... А был так серьезен, что я уже подумала... Никогда не поймешь, когда он шутит, а когда... Артист!...” – быстро пронеслось у нее в голове.

–А я переоденусь тобой, попробуюсь в гримерку и придушу Латникова шелковым шарфом, – воодушевленно подхватила она. – Или ремнем!

–Э, нет, – решительно возразил Валерий. – На убийство я тебя отправить не могу. У меня не десять жен, чтобы ими рисковать. Придется и Латникова самому угрохать. А тебя мы загримируем под меня, чтобы ты в это время находилась в людном месте для обеспечения моего алиби.

–Нет, – запротестовала Маша, кровожадно сверкая глазами. – Так не честно! Я тоже хочу кого-нибудь убить!

–Убийца ты моя сладкая, – негромко рассмеялся Валерий, прижимая жену к себе и нежно целуя.

Маша счастливо улыбнулась, отвечая на поцелуй, и все Осинские, Латниковы и прочие жизненные неприятности мгновенно унеслись прочь. Хотя бы на время.

Четверо мужчин играли в карты в полутемной комнате. Окно было открыто, но это не слишком помогало избавиться от плотной завесы дыма, поскольку курили все четверо.

–Каре! – торжествующе объявил один из мужчин, пухлый бородач, бросая карты на стол и самодовольно улыбаясь.

Его партнер через стол, маленький лысый толстяк, радостно хохотнул.

–Что, Андрюха? – он повернул сияющую физиономию к соседу. – Опять вы проиграли!

Сосед, высокий широкоплечий молодой человек с пышной шевелюрой и едва заметными усиками, с досадой всплеснул руками.

–Черт! – сердито выругался он и прибавил несколько непечатных выражений. – Не везет сегодня!

–Ыгы, – улыбка толстяка стала еще шире. – А нам везет! Так что гоните бабки!

Андрей Краснов мельком переглянулся со своим партнером, высоким худым мужчиной с невозмутимым лицом, и нехотя полез за кошельком. Вытащив из него необходимое количество купюр, Краснов с тоской посмотрел на одинокую оставшуюся банкноту и снова выругался.

–В пятницу отыграюсь, – зло бросил он, поднимаясь со стула.

–Непременно, – толстяк едва не хлопал в ладоши от восторга. – Непременно в пятницу!

Он принялся аккуратно собирать раскиданные по столу карты. Остальные двое мужчин тоже поднялись на ноги.

–Ого, – удивился выигравший бородач, взглянув на часы, и заторопился к выходу. – Как поздно-то уже.

Все четверо вышли на крыльцо и коротко распрощались. Краснов первым спустился по ступенькам и поспешил к своему автомобилю, мрачно хмуря брови. Он сел за руль новенькой синей Тойоты, завел двигатель и включил диск любимого Фредди Меркьюри на полную мощность.

–We are the Cha-a-a-ampions! – бешеная энергия голосистого турка с размаху ударила по барабанным перепонкам, и Андрей начал покачивать головой в такт песне.

–Отыграюсь. В следующую пятницу отыграюсь, – уверенно пробормотал он, но тут взгляд его упал на портмоне, торчащее из внутреннего кармана плаща на соседнем сиденье.

Уверенности сразу поубавилось. Чем отыгрываться-то? Деньги кончились. Придется опять просить у жены. А даст она или нет – это еще большой вопрос.

“Надо подгадать, когда у нее будет хорошее настроение... Хотя в последнее время она такая раздражительная...” – хмуро размышлял Краснов.

Он наклонил переднее зеркало и придирчиво осмотрел свое лицо, потом пригладил волосы, поиграл бровями и удовлетворенно хмыкнул.

“Тогда придется довести ее до хорошего настроения,” – он самодовольно улыбнулся своему отражению и, притворно вздохнув, расправил плечи. – “За все в этой жизни приходится платить.”

Он любовно погладил дорогую кожу чехла на руле, мягко переключил ручку скорости и тронулся с места, направляясь к дому.

При появлении Андрюши Краснова на свет судьба, похоже, была не в лучшем настроении и одарила его более чем скупой. Он не оказался сыном богатых родителей – мать работала приемщицей в химчистке и растила его одна. Ум, усидчивость и трудолюбие достались ему в таких ограниченных количествах, что о них и упоминать не стоит. Склонностей к какому-либо виду деятельности не досталось вовсе, и в школе он учился на тройки лишь потому, что учителям не хотелось безнадежно портить успеваемость в классе. Мать, которая души не чаяла в отпрыске, отчаивалась все больше и больше. Что из него вырастет? Учиться неспособный, работать не разгонится... Как пить дать, повторит судьбу отца и двоюродных братьев: кто спился, а кто и в тюрьме...

Но, когда Андрюше исполнилось десять лет, жизнь его неожиданно переменилось. Все началось с переезда в их дом новой соседки. Женщина оказалась в прошлом танцовщицей и стала вести кружок бальных танцев в местном дворце пионеров. Однажды, видя, как мальчик бесцельно слоняется по двору в течение нескольких часов, она предложила матери Краснова:

–Люда, а давай-ка я твоего мальчика в свой кружок запишу. У нас девчонок-то полно, а партнеров для них вечно не хватает.

Юный Андрюша был мальчиком покладистым. Он для порядка лениво возмутился такому предложению – че я, дурак че ли, с девчонками по кругу хороводы водить? – но в дом пионеров пошел, поскольку маму любил и слушался.

После трех занятий новая соседка виновато говорила матери Андрея:

–Он, Люда... Как бы это сказать... Не очень способный. Нет, ну не то, чтобы совсем, но... Самое простое движение запоминает только с восьмого раза... Двигается, будто палку проглотил... Но у нас мальчиков так не хватает, так не хватает!

Она расстроено покачала головой и добавила:

–В общем, медалей на конкурсах ему, конечно, не видать, но при нашем мужском дефиците даже он может карьеру сделать.

Эти слова глубоко запали в душу матери Андрея. Она не очень хорошо представляла себе карьеру танцовщика (точнее, вообще не представляла), но само словосочетание – карьера плюс танцы – казались ей чем-то невероятно прекрасным, прибыльным и почетным, а главное,

прямо противоположным тюрьме и алкоголю. Вот ведь удача какая – мальчиков у них не хватает, одни девочки танцевать хотят. Вот где Андрюшенька сможет развернуться!

И она с восторгом принялась шить мальчику костюмы для танцев, наглаживать белые рубашки и заказывать специальные туфли, но радость ее длилась недолго. Сыну очень быстро надоело кружить по танцполу. Уже через месяц он бросил занятия и вернулся к привычному ничегонеделанию во дворе. И тут мать Краснова едва ли не впервые проявила характер. Она поразмыслила и решила обратиться за помощью к двоюродному брату покойного мужа – благо тот как раз вышел на свободу после очередной отсидки. Запасшись бутылкой водки и внушительным куском копченой грудинки, она пришла к родственнику и в красках описала ему свои материнские горести и мытарства, а также трагическую судьбу мальчика, которая неминуемо его постигнет, если тот прекратит занятия танцами.

–Ммм... И чё? – промычал родственник, вполуха слушая ее монолог и с наслаждением обнюхивая копченую свиную шкурку.

Андрюшина мать подобралась, сжала кулачки и решительно выпалила:

–Поговори с ним. Скажи, что если бросит танцевать, то ты с ним... По-мужски разберешься!

Сказала и замерла в ожидании ответа.

–Ладно, – медленно произнес мужчина, почесав волосатую грудь, расписанную синими чернилами под Палех. – Понял. Поговорю.

И поговорил. Неизвестно, какие аргументы он привел своему юному родственнику, но с тех пор Андрюша не пропустил ни одного занятия танцами, а через пару лет и сам осознал всю мудрость принятого матерью решения. Он все так же плохо учился, но танцевал на всех показательных мероприятиях школы, города и даже области. Вальс, танго, самба – все эти танцы рассчитаны на двоих, и Андрюша был нарасхват, несмотря на свои скромные способности. Вальсируя с разными партнершами, он по некоторым предметам даже переполз с троек на четверки и к концу школы начал подумывать о поступлении в институт, но тут ему повезло попасть в труппу небольшого шоу-балета, гастролировавшего по южным курортным городам, и мысли об учебе мигом испарились.

Краснова захлестнула жизнь-праздник. Новые города, новые люди, пляжи и гостиницы в которых требовалось произвести несложные движения на сцене, неизменно вызывающие одобрение подвыпившей публики – и казалось, так будет всегда. Денег, правда, много не платили, но к чему нужны деньги если и без них всегда есть девушки, еда и выпивка? Так Андрей танцевал по жизни несколько лет, не задумываясь о завтрашнем дне, но, как это всегда бывает, неприятности поджидали его за углом.

На очередном курорте, развлекаясь после удачного выступления, они с приятелем решил погонять на квадроцикле. Оба были изрядно выпившими и, пренебрегая запретами, вылетели на дорогу на большой скорости, где столкнулись с грузовиком. Приятель отделался ушибами и сотрясением мозга, а Краснов сломал несколько ребер и обе ноги. Жизнь-праздник исчезла в один миг, сменившись чередой больничных палат и мучительных хирургических вмешательств, но даже после нескольких операций у Андрея осталась хромота. О танцевальной карьере пришлось забыть. Он вернулся в родной город и несколько месяцев маялся без дела, сидя на шее у матери. Ему казалось, что мир рухнул. Все то, к чему он привык – красивая одежда, ресторанная еда и развлечения – исчезло, словно никогда и не существовало. Надо было устраиваться на работу, но кроме танцев Краснов ничего не умел.

На помощь снова пришел двоюродный брат отца. К этому времени он окончательно завязал с уголовным прошлым, остепенился и работал охранником в небольшой фирме. Он помог устроить туда же Андрея, и у того началась новая жизнь: темно-синяя-форма-сутки-через-двое. Новую работу Краснов поначалу ненавидел. Очень уж она отличалась от всего того, к

чему он привык, но делать было нечего и он понемногу стал приспосабливаться к сине-серым будням.

Мать Андрея, видя, что тот мало-помалу осваивается с новой жизнью, возрадовалась и стала потихоньку подыскивать сыну невесту. Выбор ее остановился на девушке Люсе, скромной и работающей медсестре из соседнего подъезда, но этим планам не суждено было сбыться. От прежних роскошеств Андрей оставил себе одну слабость – раз в месяц ходить в казино. Здесь он и познакомился с Аллой Игоревной Осинской. Та была несказанно удивлена, узнав в игроке напротив охранника из своего офиса, и неожиданно заинтересовалась им. Интерес оказался взаимным и бурным, и уже через полтора месяца пара сочеталась законным браком. Покладистый характер Краснова, привыкшего слушаться маму, не вошел в противоречие с властной натурой Осинской, и они отлично ладили. Андрей с наслаждением вернулся к красивой жизни – великолепный дом, новая одежда, дорогие безделушки и прочие радости снова завертелись вокруг, давая ощущение безграничных возможностей.

Осинская сочла, что ее муж не может работать охранником, и тот немедленно уволился, но, чтобы он не сидел без дела, заставила его записаться на курсы дизайнеров интерьера, на которые тот, впрочем, не ходил. Теперь Алла Игоревна гордо заявляла всем, что ее Андрюшенька – творческая натура и будущий гений дизайна. Андрюшенька, который не умел рисовать и в жизни не отличил бы модерн от барокко, согласно кивал и с умным видом повторял заученную фразу о том, что арт-деко в наше время уже не тот. Почему именно арт-деко стал “не тот”, и что вообще такое этот самый арт-деко Краснов ответить бы не сумел, но, по счастью, никто его об этом не спрашивал.

К сожалению, у этой красивой жизни были и свои минусы. Несмотря на видимый достаток и благополучие, Алла Игоревна была хозяйкой прижимистой и строго следила за расходами супруга, давая ему лишь то, что по ее мнению ему было необходимо. Нетрудно представить, что здесь их мнения не совпадали. Да и то сказать – сейчас все так дорого! Чашка кофе в итальянском ресторане стоит чудовищных денег, за разбитую фару Тойоты пришлось отвалить целое состояние, а про многочисленные мелкие расходы и говорить не стоит. В общем, денег Краснову вечно не хватало, а источник денег – обожаемая супруга – был весьма капризным. Могла дать, а могла и оставить без гроша за какую-нибудь дурацкую провинность.

Андрей подъехал к дому и нажал кнопку автоматического открывания ворот. Пока створки медленно разъезжались в стороны, он оглядел темные окна.

“Алла давно спит,” – подумал он, поморщившись. – “Хорошо бы она не проснулась, а то начнется – где ты шлялся, опять всю ночь играл в карты, бла-бла-бла-бла...”

Он припарковал машину на дорожке, не заезжая в гараж, и проскользнул в дом, стараясь производить как можно меньше шума. Поднявшись на цыпочках по лестнице он замер перед дверью в супружескую спальню и прислушался. Внутри было тихо. Надежда пробраться незамеченным окрепла. Краснов хотел шагнуть внутрь, но обнаружил, что все еще держит в руках плащ. Он про себя чертыхнулся, досадуя, что не оставил его в прихожей, и швырнул плащ на стоявшую поодаль кушетку. Плащ до кушетки не долетел и упал на пол рядом, но поднимать его Андрей не стал. Он неслышно пробрался внутрь, на ходу стягивая с себя пиджак и брюки.

Ему почти удалось бесшумно добраться до кровати, но в последний момент металлическая пряжка брючного ремня предательски звякнула, звонко припечатавшись к бронзовой стойке торшера.

– Ммм?... – голова Аллы Игоревны взлетела надо подушкой. – А-а-а? Что?

Она быстро протянула руку и включила свет. Краснов испуганно замер на одной ноге, в рубашке, трусах и одном спущенном носке.

– Это я, зайка, – льстиво прошептал он. – Спи, спи!

Но Осинская спать явно не собиралась. Она зло прищурила глаза и поджала губы.

– Явился! – ее раздраженный тон не предвещал ничего хорошего.

–Ну ты же знаешь, рыбка, мы с Зеленцовым в карты... – торопливо забормотал супруг, стаскивая с ноги второй носок.

–Знаю! – взревела Алла Игоревна. – Я только не знаю, почему я из-за твоих карт должна страдать!

–Зачем же страдать, Алюнечка? – еще быстрее затараторил Краснов. – Спи себе, рыбка, не беспокойся! Я тут сейчас тихонько лягу...

–Тихонько? – Осинская яростно сверкнула глазами. – Да ты громыхаешь, как стадо слонов! Мертвого можно разбудить! Как я теперь усну? А мне с утра на работу, между прочим! Супруга распалялась все больше.

–Алюнечка, но я же сто раз тебе предлагал – давай я буду спать в гостиной, когда возвращаюсь от Зеленцова, – занял Андрей.

–Будешь спать там, где я скажу! Ты бы лучше вовсе не таскался к этому Зеленцову, – кипятилась Осинская.

Краснов счел за лучшее не возражать. Он молча юркнул под одеяло и затаился, по опыту зная, что спорить с женой в таком состоянии бесполезно, а Алла Игоревна продолжала негодовать.

–Теперь я не смогу уснуть! Мне придется выпить снотворное!

Андрей зарылся в подушки еще глубже.

Осинская, продолжая поносить на чем свет стоит мужа, карты и Зеленцова, вылезла из постели и, накинув халат, направилась на кухню за аптечкой.

–Может, я принесу? – решился высунуться из-под одеяла супруг.

–Сама справлюсь, – рявкнула Алла Игоревна и прибавила шагу на пути к лестнице.

Лучше бы она этого не делала. Плащ, небрежно брошенный Андреем и так и не долежавший до кушетки, по-прежнему валялся на полу, но в темноте женщина не заметила его и зацепилась ногой за рукав.

–А-у-у-у... – раздался ее приглушенный вскрик и следом грохот падающего тела.

Андрей испуганно подскочил на кровати.

–Алюнечка? – встревоженно позвал он и, не дождавшись ответа, выскочил из спальни. В коридоре было темно и Краснов принялся торопливо шарить рукой по стене в поисках выключателя.

–О-о-о!... – вдруг раздалось откуда-то снизу. – Какого дьявола?!

Андрей наконец нашел выключатель и во вспыхнувшем свете увидел супругу, распластавшуюся на полу возле самых ступенек лестницы. Он поспешно кинулся к ней.

–Аллочка, что случилось?

–Я упала! – яростно взвизгнула жена, приподнимаясь на локте. – За что-то зацепилась и упала!

Взгляд ее упал на плащ, бесформенной кучей валявшийся на полу, и сомнений в причине падения не осталось.

–Почему ЭТО здесь лежит?... – негодующие ноты в голосе Осинской пошли вверх по нарастающей. – Почему, я спрашиваю???...

Краснов чуть заметно вздохнул, осознав, что сейчас он получит по полной программе.

–Я могла упасть на ступеньки, скатиться вниз и сломать себе шею! – Алла Игоревна едва не захлебнулась возмущенным воплем.

“Ну не скатилась же,” – мысленно возразил супруг, внешне изображая глубочайшее раскаяние.

–Нужно быть полным идиотом, чтобы бросить здесь свой плащ!

От голоса Осинской в доме дрожали стекла.

–Боже мой! Я была в шаге от несчастного случая!

Женщина продолжала кричать, находя все более уничижительные эпитеты для сообразительности супруга. Краснов набрал полную грудь воздуха и решительно шагнул вперед. Бормоча невнятные слова извинения, он принялся лобызать руки, ноги, полы халата и прочие места, до которых удавалось дотянуться, одновременно обнимая разъяренную жену до тех пор, пока поток ее ругательств не иссяк. Тогда он подхватил ее на руки и отнес обратно в кровать, приговаривая, как он ее любит, и какая она у него красивая, прекрасная, великолепная и так далее.

Алла Игоревна наконец сменила гнев на милость и великодушно простила бестолкового мужа. Уже через несколько минут после примирения раздалось ее сонное сопение. Краснов повернулся на другой бок и тяжело вздохнул. Шансы на получение денег после сегодняшнего происшествия упали до нуля. Взгляд его невольно скользнул в коридор и дальше, на лестницу.

“Несчастный случай...” – неожиданно всплыло у него в мозгу. – “А действительно, так просто... Бац – и сломанная шея!... И больше уже не будет никаких визгливых воплей... Тьфу ты! О чем это я?...”

–И-эх! – он с шумом выдохнул, зарылся в подушку и почти сразу погрузился в сон.

Люба в последний раз провела мочалкой по черному блестящему боку автомобиля и устало вытерла пот со лба. Все. Машина чистая. Осинская может быть довольна. Люба подняла глаза вверх и с ненавистью глянула на окна хозяйской спальни.

–На, змея подколотная, – прошептала она, зло прищутив глаза. – Подавись!

Эх, с каким удовольствием она бы провела по гладкому боку авто не мочалкой, а граблями. Но машина – это что, бездушная железяка. Вот угостить бы граблями или шваброй саму Аллу Игоревну...

Люба вздохнула, наклонилась, чтобы поднять ведро с грязной водой, и натруженная поясница немедленно заныла. Машину она сегодня мыла в наказание за разбитый фужер, в дополнение ко всем своим остальным обязанностям по дому: уборка, стирка, глажка, готовка, сгребание листьев в саду и прочее, прочее, прочее. Работы в большом доме Осинской хватило бы на троих, но вот уже долгих четыре месяца Люба справлялась со всем одна. До нее работницы здесь не задерживались. Они обычно громко хлопали дверью в первый же месяц, не выдержав постоянных придираек хозяйки и даже не требуя платы за отработанные дни – только бы убраться подальше от скандальной дамочки.

Любе не повезло. Она уйти не могла, хотя ей этого хотелось больше всего на свете. В руках Осинской имелся такой кнут, от ударов которого Люба в страхе съеживалась и покорно исполняла все приказы зловредной работодательницы.

Совсем недавно Любина жизнь была совершенно иной, но сейчас, взглянув на эту невыразительную женщину с серьезным, даже мрачным лицом, никто из ее прежних друзей-собутельников не признал бы в ней разбитную Любку с Шамонаихи, весело прожигающую жизнь в бесконечной череде гулянок.

К своим тридцати годам она уже обзавелась привычкой к алкоголю, четырьмя приводами в милицию и тремя детьми от разных мужей. Неудивительно, что у нее начались проблемы с представителями власти и, после нескольких жалоб соседей и визитов участкового и социальных работников, встал вопрос о лишении ее родительских прав. Несмотря на разгульную жизнь, детей своих непутевая мамаша любила и отдавать никому не собиралась, но вырваться из пьяного круговорота была не в силах.

И вот, когда до отправки ее детей в детский дом оставалась самая малость – еще одна жалоба соседей или замечание участкового – к Любе спустился ангел и круто изменил ее жизнь. То есть, это Люба считала, что к ней явился ангел. Что уж это было на самом деле – посланец небес или пары алкоголя, проникшие глубоко в мозг, сказать трудно, но случилось так, что одним хмурым февральским утром Люба проснулась на скамейке в парке. Как она оказалась в

этом парке женщина объяснить бы не смогла. В неподъемно тяжелой голове шевелились лишь смутные воспоминания о каком-то небритом гитаристе и его кучерявой подруге, корчащей Любе злобные рожи. Вроде бы даже они с этой подругой подрались?... Или с гитаристом?... Черт его знает, отчетливо вспоминался лишь стакан, разбитый ею об чью-то голову...

И вдруг в Любиной голове отчетливо прозвучал чужой голос.

– Вставай и иди! – приказал голос, заставив Любу испуганно вздрогнуть, а небритого гитариста с его пассией мигом испариться.

– Куда? – опасливо спросила женщина, вскакивая на ноги и оглядываясь по сторонам, но никого не находя.

– Вперед, – властно произнес голос, и Люба рванула с места, не разбирая дороги.

– Да не туда, – неведомый голос даже крикнул от досады. – Вон туда!

Люба поспешно выкарабкалась из живой изгороди, в которую с разбегу влетела, и с изумлением увидела светящуюся полосу на асфальте, ведущую к выходу из парка. Она остолбенело уставилась на нее, не в силах пошевелиться.

– Иди же, – сердито прикрикнул голос, и женщина быстро зашагала вперед по мерцающей полосе, ни о чем больше не раздумывая.

В это время года и в этот час – около пяти утра – народу в парке не было. Не было его и на улице, куда светящаяся дорожка привела Любу. Лишь мимо промелькнула пара одиноких машин, тихо прошестев шинами по асфальту.

– А теперь мне куда? – боязливо спросила женщина, переминаясь с ноги на ногу, но голос исчез так же внезапно, как появился.

Люба посмотрела по сторонам. Вокруг никого. За спиной остался парк. На противоположной стороне улицы стояло длинное серое здание, упиравшееся в забор. Глухое, темное и безлюдное место. Если бы не тусклые фонари вдоль дороги, вообще бы ничего не разглядеть. Озадаченная Люба уже открыла рот, чтобы погромче спросить загадочный голос куда ей идти дальше и что делать, но в это момент заметила, что она здесь не одна.

На противоположной стороне улицы на фоне обветшалого забора возникла фигура, которая быстро приближалась. Повинуясь внутреннему импульсу, Люба отступила за ближайшее дерево и пригляделась повнимательнее. В зыбком свете фонарей из сумрака все четче вырисовывался силуэт женщины, несущей ребенка. Женщина явно торопилась и нервничала. Все движения ее были резкими и неуклюжими. Внезапно незнакомка остановилась возле стены здания и замерла. Люба напрягла глаза, и брови ее удивленно поползли вверх.

На стене, не замеченный ею ранее, темнел прямоугольник с надписью “ОКНО ЖИЗНИ”.

“Это же по телевизору показывали...” – промелькнуло в Любиной голове. – “Чтобы матери, которые от новорожденных отказываются, не на улице их бросали, а в такие окна подкладывали...”

– Это что же она?... – ахнула Люба. – Она же дитяtko свое туда сейчас засунет!...

Волна, в которой возмущение и жалость смешались в равной степени, захлестнула ее.

– Да как же это? – прошептала она. – Свою родную детоньку своими руками чужим людям отдать?! Куда они ее?...

– Сначала в больницу, потом в дом малютки, а потом в детский дом, – жестко произнес вернувшийся голос в ее голове. – И свою мать этот ребенок больше никогда не увидит.

В подтверждение этих слов женская фигура у окна жизни, избавившись от ноши, развернулась и быстро зашагала прочь.

– Да как она могла! – возмущенно выдохнула Люба. Поступок незнакомой женщины вызвал бурю протеста в ее душе.

– Она? – насмешливо возразил голос. – А ты? КАК ТЫ МОГЛА? У тебя самой завтра заберут детей, и ты это сделала сама! СВОИМИ РУКАМИ. Ты сидишь пьяная в пять утра в парке и даже не знаешь, что сейчас с ТВОИМИ детьми.

–Нет!!! – Люба захлебнулась собственным криком.

Она пыталась вдохнуть, но не могла. Сердце бешено колотилось об ребра, в ушах стоял гул, перед глазами поплыли красные круги. Люба отчаянно старалась вдохнуть и наконец ей это удалось. Первый крошечный глоток кислорода проник в легкие и взорвался внутри оглушительным фейерверком. Тело обмякло, будто из спины вытащили какой-то стержень, ноги подкосились, и Люба безвольно повалилась на землю.

–Как же так?... Как же так?... – бормотала она побелевшими губами. – Лешенька... Надюша... Коленька... Как же так?....

–Вставай и иди, – снова раздался в ушах тот же голос грозного ангела. Теперь он звучал устало. – Иди к своим детям!

Неведомая сила подхватила ее и поставила на ноги. За спиной словно выросли крылья.

–Да, – с восторгом прошептала Люба, чувствуя прилив сил. – Я бегу! Леша, Надя, Коленька, я бегу!

Она не помнила, как добралась домой, но с того дня женщину словно подменили. Гулянки были забыты, бывшие собутыльники посланы так далеко, что уже не возвращались, а ее маленькая квартира засияла чистотой и уютом. Люба устроилась на работу и трудилась не покладая рук, возвращая собственным детям то, что не добавила им за годы пьянок.

Эта метаморфоза произошла с ней почти год назад и жизнь ее, казалось, наконец наладилась, но наше прошлое никуда не исчезает. Какой бы замечательной матерью не стала Люба сейчас, участковый и социальные службы еще очень хорошо помнили Любу-пьянчужку, у которой должны были забрать детей.

– Смотри, Русакова, – многозначительно покачивая бровями напоминал ей пожилой милиционер. – Ты, конечно, молодец, исправляешься.... Но если хоть один сигнал на тебя поступит, то... Сама понимаешь.

Люба понимала и старалась изо всех сил. И поначалу все шло хорошо. Первое время Алла Игоревна Осинская, к которой Люба устроилась домработницей, хлопот не доставляла, поскольку сразу же укатила с молодым мужем в отпуск на две недели. Красота! Целых полмесяца – пыль вытереть да цветы полить – считай, зарплату ни за что платят. Но, вернувшись из свадебного путешествия, хозяйка в полной мере проявила свой склочный и злобный характер. Угодить ей было нельзя. Полы не так помыла, статуэтку на полке на место не вернула, гуляш несъедобный, мыло в ванной не того запаха... Люба старательно терпела два месяца, но в конце концов не выдержала. Она уже решила объявить Осинской, что уходит, и тут случилось досадное происшествие.

–Болгарские перцы вялые, – с недовольной гримасой объявила Алла Игоревна как то утром, заглянув в холодильник, и приказала Любе: – Эти я есть не буду. Купи новые.

Та молча кивнула, а про себя порадовалась. Огромные израильские перцы, размером с голову ребенка. Хозяева их есть не будут, значит они выбросятся в помойку. Но Люба не такая дура, чтобы выкидывать такие отличные продукты. Вялые-то они совсем чуть-чуть. Лучше она заберет их домой, чтобы угостить своих малышей. Они в жизни не видели ничего подобного, вот удивятся!

Но когда Люба уходила домой, путь ей преградила Алла Игоревна.

–Открой свою сумку, – потребовала она, стоя в дверях кухни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.